

НАРРАТИВНЫЙ ДИСКУРС В ИСТОРИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ Н.С. ЛЕСКОВА

*А.А. Федотова,
кандидат филологических наук,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского,
e-mail: gry_anna@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме анализа поэтики нефикционального текста. Исторический очерк Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» (1882) рассматривается в ней как сложное художественное единство, смысловое и стилистическое своеобразие которого определяется авторской установкой на интерпретацию письма Ю.Ф. Самарина, написанного в Риге (1848). В статье выявляется, что Лесков точно воспроизводит фактическую основу письма Самарина, однако существенно трансформирует повествовательную организацию претекста. Подчеркивание роли «героя» очерка (А.А. Суворова) и организация в очерке временной последовательности позволяет писателю придать описываемым им фактам статус события, результатом чего является возникновение в тексте нарративной структуры. Модификация модальности текстообразования влечет за собой изменения в фигурах автора и читателя очерка, которые также определяются в статье.

Ключевые слова: Лесков, Самарин, публицистика, пересказ, диалог, интертекстуальность.

NARRATIVE IN NICOLAI LESKOV'S HISTORICAL ESSAY

*A.A. Fedotova,
Candidate of Philological Sciences,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky*

Abstract. The article raises the urgent problem, which is to analyze poetics of non-fiction texts. Leskov's historical essay "The Russian Statesmen in Ostzeisk land" (1882) is examined as a complex artistic unity, semantic and style features of which are determined by the authors purpose to interpret Yuri Samarin's letter written from Riga (1848). It is founded that Leskov reproduces in details the factual base of Samarin's letter. However the author significantly transforms the narrative structure of the pre-text. Leskov increases the role of the text's hero (A.A. Suvorov) and organizes temporal sequence in the essay. The main result of these transformations is a turn from facts to events, which take place in Leskov's text. The actualization of a narrative discourse alters text's main figures: the author and the reader. These changes are defined in the article.

Key words: Leskov, narrative, publicism, Samarin, historical essay.

Одной из актуальных проблем современного литературоведения является исследование поэтики нефикциональных текстов. Эта проблема была ясно сформулирована в работах Ж. Женетта, который предложил выделять, наряду с литературой вымысла, «литературу слога», т.е. литературу, для которой «главными будут ее формальные характеристики» [1: 381]. В широком поле «литературы слога» особый интерес представляет писательская публицистика, рассмотрение которой является необходимым в ходе анализа соотношения принципов организации фикционального и нефикционального повествования. Обратимся к публицистике Н.С. Лескова и определим своеобразие повествовательной организации исторического очерка «Русские деятели в Остзейском крае» (1882).

Очерк Лескова, который позиционируется автором как первая публикация письма Ю.Ф. Самарина, входит в ряд произведений, представляющих собой издание писателем архивных документов. Публикуемое Лесковым письмо [3] по своему содержанию и пафосу примыкает к знаменитым самаринским «Письмам из Риги», созданным в 1849 году. Отправленное из Риги весной 1848 года и носящее частный характер, письмо создавалось с учетом его возможного прочтения и сторонним лицам. Оно представляет собой яркий пример аналитической публицистики Самарина. В духе классической риторики автор заявляет в первых строках письма его основной тезис: «Грустно вообще быть свидетелем крушения политической системы, которой мы сочувствовали <...> но еще тяжелее, когда с подобною переменной сопряжено торжество партии антинациональной <...> когда это торжество проявляется <...> в бесполезных, полудиких оскорблениях всего того, что не может не быть дорогого русскому сердцу <...> когда это делается... из самолюбивого желания приобрести популярность <...> всевозможными жертвами и уступками» [4: 271].

Доказательству этого тезиса посвящена основная часть текста: в ней описание поступков князя Суворова, которые противоречат славянофильским представлениям о достойном поведении русского администратора в Остзейском крае, чередуется с комментариями, являющимися прямыми критическими высказываниями автора. Так, в начале письма Самарин отмечает: «На границе Рижского уезда он (А.А. Суворов – А.Ф.) был встречен ордунгсрихтером... который начал рапортовать ему по-русски, но князь Суворов прервал его упреком: зачем он не говорит с ним на своем родном наречии?» [4: 272]. Автор добавляет к этим словам комментарий, который позволяет связать приводимый факт с заявленным выше тезисом: «Это одно слово, мгновенно разнесшееся по всему краю, ниспровергло все, что большими усилиями, в течение трех лет, сделано было для упрочения официального преобладания русского языка» [4: 272]. В основе письма Самарина лежит логика причинно-следственных связей,

автору важно показать развитие собственной мысли за счет выдвижения системы положений и доказательств.

При издании письма Лесков пользуется приемом цитирования: исходный текст приводится в очерке не дословно, а с сокращениями. Так, писатель значительно сокращает приведенный выше фрагмент письма Самарина и начинает свое переложение словами: «Самарин передает полную хронику того, что князь Александр Аркадьевич Суворов наделал в Риге в первые три недели со вступления его в должность Остзейского генерал-губернатора» [2: 145]. Очевидно различие в интонации текста-донора и текста-реципиента. Отказываясь от усложненного самаринского синтаксиса и высокой книжной лексики, включая в текст лексему с разговорной окраской («наделал») Лесков придает очерку разговорный характер. На смену торжественной проповеди приходит непринужденная беседа.

Принципиальным для характеристики работы писателя является то, что он подвергает сокращению комментарии Самарина и с максимальной степенью полноты воспроизводит описание действий Суворова в Риге. Подобная модификация позволяет автору актуализировать нарративный «потенциал», заложенный в письме: минимизация комментария способствует выдвижению на первый план актуализатора действия (т.е. Суворова), который обнаруживает себя в тексте как обладатель и точки зрения, и ценностной позиции, собственного голоса. Показательна стилистическая трансформация, которую производит Лесков: писатель последовательно меняет косвенную речь, в форме которой Самарин передает слова Суворова, на речь прямую. Например, если Самарин отмечает: «Князь спросил у них, были ли они у архиерея», Лесков пишет: «Князь спросил поселян: - Были ли вы у архиерея» [2: 151]. Подобного рода замены подчеркивают «самостоятельность» героя повествования как носителя действия и речи.

Модификация исходного текста связана и с тем, что Лесков дополняет приводимые Самариним факты указанием на время, в которое они имели место: «Суворов так торопился «обозначиться» врагом всего русского, что не дотерпел доехать с этим до Риги: он еще по дороге постарался высказать...» [2: 145], «Суворов тотчас же по приезде поспешил показать...» [2: 146], «Вслед за тем, в Благовещении...» [2: 147], «Затем князь Суворов...» [2: 147] и т.д. Идентификации моментов времени служат используемые писателем действительные языковые элементы (глагольное время, указательные местоимения и наречия), которые отсутствовали в оригинальном письме.

Введение в очерк временного измерения, наряду с минимизацией авторского комментария, позволяет Лескову придать передаваемым им фактам статус «события». Как отмечает В. Тюпа, «хронотопичность», наряду с «гетерогенностью» и «интеллектуальностью», является одним из минимальных свойств, необходимых для характеристики события: «То, что фиксируется как событие, есть прежде всего со-бытие <...> Даже самое краткосрочное событие обладает протяженностью во времени, т.е. имеет начало, середину и конец, являясь в свою очередь звеном некоторой более значительной длительности» [5: 24].

Трансформация письма Самарина, проделанная Лесковым, влечет за собой появление в очерке нарративной структуры: наделение совокупности фактов статусом события является спецификой именно нарративного дискурса. При издании письма Лесков меняет композиционную структуру претекста: логический тип публицистического высказывания становится типом хроникальным, что связано с появлением в очерке событийного ядра.

Изменение модальности текстообразования (смена итеративного дискурса - нарративным) связано с трансформациями в фигурах автора и адресата очерка. Е.В. Падучева отмечает, что «семантика слов и грамматических категорий естественного языка предполагает говорящего в нескольких различных ролях (говорящий как субъект дейксиса, говорящий как субъект речи, говорящий как субъект сознания и говорящий как субъект восприятия)» [3: 261-262], которые последовательно замещаются в пределах нарративного режима благодаря введению представителей автора - повествователя и персонажей. В письме Самарина, тексте-рассуждении, передающем результаты мыслительной деятельности автора, «говорящий» представлен, прежде всего, как субъект сознания и речи. В нарративном очерке Лескова возникает необходимость замещения всех указанных ролей, в связи с чем в тексте появляется выраженный образ повествователя.

В письме Самарина повествовательные фрагменты представлены в форме нарратива 3-го лица: «23 марта при публичном приеме просьб... Суворов, узнав, по случаю просьбы одной Еврейки, что обращающимся в христианство Жидам выдается от казны 30 рублей серебром, разразился упреками против монахов...» [4: 273]. В очерке Лескова цитаты из письма Самарина представлены с сохранением свойственной для них личной формы. Между тем, в новом контексте они оказываются погружены в перволичное повествование, характерное для текста в целом (показательно начало очерка: «я напечатал несколько сведений о деятельности князя Александра Аркадьевича Суворова...» [2:141]).

На базе перволичного повествования в очерке возникает повествовательная форма, использующая в основном корпусе нарративного текста 2-е лицо: «Таков был первый выход вельможи и первый прием просителей <...> Смотрите же, как он проходит» [2: 148-149] и 1-е лицо мн.ч. в обобщенно-личном значении: «Суворов <...> перешел к новой группе, к которой и мы за ним последуем» [2: 150]. Адресатное употребление 2-го лица и обобщенно-личное употребление 1-го лица глаголов служат активизации читателя текста: перволичный повествователь побуждает адресата представить себя непосредственным участником описываемой ситуации, при этом читатель ангажируется на роль фиктивного наблюдателя изображаемой сцены. Ориентация на потенциального адресата, которая в целом характерна для наррации, является важным свойством очерка Лескова. Если письмо Самарина парадоксально представляет собой пример автокоммуникации, «овнешняющей процессы внутренней мыследеятельности» [5: 18], то повествовательная манера очерка Лескова устремлена к тому, чтобы сделать адресата непосредственным свидетелем изображаемых им событий.

Трансформация исходного текста связана и с временной организацией очерка Лескова. Письмо Самарина последовательно выдержано в прошедшем времени, что подчеркивает дистанцию между автором и описываемыми им событиями, с одной стороны, и потенциальным читателем текста – с другой. Для очерка Лескова характерно употребление настоящего времени в повествовании о прошлом: «перед князем является какая-то еврейка <...> и «требуется» себе за это 30 рублей» [2: 149], «от латышей князь переходит к стоящей здесь же в приемной группе русских староверов» [2: 153]. Нарративное употребление прошедшего времени («настоящее историческое» [3: 288]) способствует активизации адресата очерка, оно включает читателя в диалог, как бы помещая его в то пространство и время, в котором находится повествователь.

При публикации исторического документа Лесков в свойственной ему манере выбирает стратегию не точного воспроизведения исходного текста, а пересказа письма Самарина: цитатный дискурс в очерке уступает место дискурсу транспонированному (дискурсу косвенной речи). Выбор подобной стратегии открывает перед писателем широкие возможности создания текста-палимпсеста, построенного на наложении и взаимопроникновении двух произведений, а, следовательно, и двух точек зрения, двух способов видения проблемы.

Лесков точно воспроизводит фактическую основу письма Самарина, однако последовательно трансформирует повествовательную организацию претекста. Подчеркивание роли «героя» очерка (Суворова) как субъекта мысли, речи и действия, а также организация в тексте временной последовательности дает возможность писателю придать передаваемым им фактам статус «события», результатом чего является возникновение в произведении нарративной структуры. Если в письме Самарина роль текстообразующей доминанты выполняла констатация, то есть передача стабильного состояния, то в изложении письма Лесковым на первый план выходят изменения, динамика событий рождает рассказ. Смена дискурса (или риторической модальности, в терминологии В.И. Тюпы) влечет за собой активизацию адресата текста: новый текст ориентирован на потенциального читателя, которого он стремится сделать свидетелем несомого им сообщения.

Актуализация в тексте нарративного дискурса связана с установкой писателя на создание исторического очерка: именно повествование превращает совокупность фактов биографии Суворова, которые использовались Самариным для подтверждения основных тезисов его письма, в необходимый Лескову-«историографу» рассказ, главным «героем» которого выступает генерал-губернатор Остзейского края.

Литература

1. Женетт Ж. Вымысел и слог // Ж. Женетт. Фигуры. В 2 т. Т. 2. – М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. – С. 361-407.

2. Лесков Н.С. Русские деятели в Остзейском крае// Н. С. Лесков. Иродова работа. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2010. – С. 392-439.
3. Падучева Е.В. Семантика нарратива [текст] // Е. В. Падучева. Семантические исследования. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 193-464.
4. Самарин Ю.Ф. Сочинения. В 12 т. Т. 12. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. – С. 271-277.
5. Тюпа В.И. От поэтики к риторике. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. – Тверь: Твер. гос. ун-т, – 2001. – 153 с.
6. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 324 с.